

Пантыкина Марина Ивановна,

доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия», заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебно-методической работе ФГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти
pantikina@tltsu.ru

Справедливость и право: Omnes et Singulos

Аннотация. В статье предпринята попытка разрешения традиционного спора между сторонниками юридического позитивизма и естественного права о том, какое аксиологическое основание права является доминирующим – справедливость или право (закон). Представив анализ классических теорий справедливости, автор предлагает решение дилеммы в русле неклассического правопонимания – феноменологии права. В результате делается вывод о том, что справедливость является способом бытия человека, возложившего на самого себя обязательство разумной саморегуляции. Признание безусловной ценности и нормативности справедливости оценивается как более жесткий императив, чем право как совокупность нормативных установлений.

Ключевые слова: справедливость, феноменология права, правовые ценности, правовая жизнь, социальное регулирование, социальный порядок.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Понятие справедливости, благодаря своей многозначности, используется в различных сферах познания и практики: в социально-гуманитарных науках, политической риторике, повседневном общении и т. д. Казалось бы, отсутствие семантической определенности этого понятия должно поставить под сомнение возможность продолжения давнего спора между сторонниками юридического позитивизма и естественного права об иерархии в отношении между справедливостью и правом. Между тем в современной научной и публицистической литературе широко представлены исследования, в которых доказывалась приоритетность справедливости («Справедливость выше права!») над правом или же, наоборот, проводятся альтернативные мысли о том, что право включает в себя справедливость как неотъемлемую часть, а также сентенции о том, что справедливость возможна только под патронажем права (закона). Итак, что такое справедливость*? Имеет ли она доминирующий смысловой и фактический «вес» по отношению к праву? Поиск ответов на эти вопросы может позволить подойти к адекватному решению проблем современной правовой жизни, понять подлинные цели участников символической борьбы за право номинировать базовые правовые ценности.

Поскольку традиционно принято обращаться к справедливости как символу должностования, можно предположить, что до ее символизации и замещения исходного смысла разного рода технологическими и сциентистскими представлениями справед-

* В статье в соответствии с феноменологической традицией предлагается рассмотреть понятия справедливости и права не как прескриптивные (приписывающие некие свойства реальности и в этом смысле замещающие ее), а как дескриптивные понятия (описывающие феномены как данности). В частности, под правом автором статьи понимается совокупность нормативно установленных представлений о границах социального порядка.

ливость воспринималась как способ бытия. По всей видимости, изначально справедливость существовала не как фигура речи, а как действие. Хотя в языке не сохранилась глагольная форма понятия справедливости, без допущения о том, что справедливость когда-то практиковалась как любое другое действие, сложно объяснить, почему за справедливостью закрепилась функция критерия оценки событий, явлений или конкретных действий.

В связи с этим представляется правильным рассмотреть общепринятые толкования справедливости таким образом, чтобы в результате были выявлены значения справедливости как способа бытия (или действия). Полученные значения должны быть соотнесены с понятием права, и только затем следует подойти к решению вопроса о возможности установления между ними иерархических отношений.

Принято считать, что исторически первое понимание справедливости связано с непрерываемостью норм общественной жизни. Справедливость практиковалась как «уклад жизни» и выражалась в действиях, направленных на поддержание сложившегося порядка, и действиях, предотвращающих сомнения или попытки нарушения ее незыблемости. Платон считал справедливость «добродетелью великих душ» и, определив ее как один из высших нравственных принципов, стремился вывести за рамки повседневной общественной жизни. Подобные трактовки справедливости отражают общественные отношения, для которых характерны традиционность и «мягкие» формы социального неравенства. Очевидно, что они не требуют сложных форм социального регулирования, так как регламентируются обычаем и не предполагают позитивное право.

В противовес Платону, Аристотель в своем учении об уравнительной и распределительной справедливости возвращает справедливости ее утилитарный смысл. Уравнительная справедливость характеризует состояние обычных дел: «что-то обсуждали и достигли такой-то договоренности». Распределительная справедливость определяет процесс поиска договоренностей относительно сложных взаимодействий, требующих контроля со стороны некоего суверена. Поскольку распределительная справедливость определяет опосредованные отношения сторон, то ретрибутивной силы обычая оказывается недостаточно, и возникает необходимость закрепления договоренностей в письменных нормативных установлениях, сам факт наличия которых символизирует справедливость. В этом случае постановка вопроса об иерархии справедливости и права оказывается бессмысленной, так как эти сущности указывают на одну и ту же цель, достигаемую в совместных действиях.

Начиная с эпохи Нового времени, благодаря влиянию теорий общественного договора на социальные практики, из содержания понятия справедливости постепенно элиминируется идея ее происхождения в процессе определенной деятельности. В качестве источников справедливости определяются метафизические естественный закон, разумная природа человека или божественная воля. В результате справедливость начинает рассматриваться как самодостаточная, непосредственно не связанная с социальными практиками ценность, которая может служить критерием оценки деятельности государства в отношении общества. Использование справедливости как формального критерия оценки благополучия социального порядка приводит к открытию сущностных противоречий между интересами государственной машины и общества. Они обнаруживаются, в частности, в диссонансе правовых ценностей, одним из проявлений которого является сама постановка вопроса: «Действительно ли справедливость выше права?» В содержании этого вопроса зафиксирован конфликт между законами государства и общественными ожиданиями, декларируемыми и реализуемыми правовыми ценностями и идеалами. Возможность множественных интерпретаций права и справедливости, отказ от их «привязки» к социальным практикам

делают данную дилемму «справедливость или право» риторической фигурой, удобной для ведения символической борьбы теми или иными социальными силами.

Один из вариантов возвращения к «деятельностной» модели справедливости представлен в теории Дж. Роулза. Данная теория строится на трех базовых допущениях, которые, к сожалению, не всегда учитываются ее адептами. Во-первых, Дж. Роулз предлагает рассматривать социальные практики любого вида во всех сферах общественной жизни по типу игровой деятельности [1]. Действуя в рационально устроенной системе позиций и связей, социальный агент руководствуется принципами справедливости, которые даны ему априори [2]. Как видим, и это составляет суть второго допущения Дж. Роулза, принципы справедливости оказываются родом нормативных суждений, которые сопровождают социальные практики регламентарно, налагают ограничения на общественное положение и должности, но не определяют их изначально и по существу.

Третье допущение данной теории состоит в том, что она имеет своим предметом только общественные институты, а справедливость как свойство, присущее отдельным действиям и лицам, в ней принципиально не рассматривается. Это связано с тем, что Дж. Роулз, являясь сторонником эгалитаризма, убежден, что без силы государства как арбитра человеческих дел справедливость невозможна. Государство, конституция обеспечивают и охраняют «игровое поле» социальных практик. Они же предполагают создание системы «искусственных» добродетелей, настроенных на справедливость. Думается, что теория справедливости Дж. Роулза описывает состояние дел, сложившееся в государствах с развитыми правовыми системами и формами дисциплинирования общества. А признание необходимости «искусственных» добродетелей для управления поведением превращает справедливость в один из формальных принципов права, содержание которого определяется деятельностью законодателя и практикой правосудия. В сфере индивидуального бытия справедливость оказывается родом честности, которая проявляется в действиях «игроков», принявших правила «игры» и стремящихся к максимизации минимума возможных достижений.

В отличие от рассмотренных выше трактовок справедливости в ее отношении к праву, феноменология закрепляет за феноменами справедливости и права атрибут актуальности. Это оказывается возможным благодаря тому, что феноменология возвращает субъекту права волю, потребности, интересы, право усмотрения и т. д. Кроме того, связь актуальности и субъектности проявляется в преобразовании смыслов права в цель и схему действия, то есть в том, что принято называть «освоением». В терминологии Э. Гуссерля освоение в значении условия жизненного мира получило название «самоосмысление», которое направлено на прояснение всей совокупности волящей и деятельной жизни в отношении того, что это «Я» хочет, к чему оно стремится в своей жизни. Результатом такой работы по самопрояснению выступает формирование представления о «согласованном стиле осуществления будущей жизни вообще» [3].

В этом контексте особый интерес представляет понимание Э. Гуссерлем сущности общества и, следовательно, такого социального явления, как право. В частности, в работе «Статьи об обновлении» философ утверждает их субъективированный характер: «Сообщество есть личностная, так сказать, состоящая из множества тел и все же связанная субъективность. Отдельные личности суть ее “члены”, функционально связанные друг с другом посредством многообразных “социальных актов”, духовно соединяющих личность с личностью...» [4] Основная цель человеческих объединений, по мнению Э. Гуссерля, – это «обновление» содержания духовных задач человечества. При этом одним из условий достижения этой цели с учетом требования сохранения преемственности между этапами развития человечества является наличие (априорная данность) норм и

ценностей. Их значение в процессе духовного роста общества состоит в том, что человек «живет в борьбе за “наполненную ценностями”, защищенную от последующего обесценивания, падения ценности, разочарования, возрастающую в своем ценностном содержании жизнь» [5]. В процессе свободных размышлений возможен переход к другим стремлениям: как сделать исходный мотив «ценности личностного бытия» очевидным и понятным, как обеспечить внешнее признание достижения целевых ценностей? Это стремление к ясности и является источником норм. Разумное стремление понимается в данном аспекте как стремление придать личностной жизни форму понятности в отношении тех или иных ее позиций в суждениях, оценках или практике и, в соответствии с ней, форму законности или разумности.

Отсюда следует, что справедливость, представленная в содержании правовых норм или ценностей, не может получить значимость для субъекта как бы «задним числом». Она должна быть «соображением разума», т. е. результатом желания и воли к признанию жизненной важности разумной саморегуляции, и только потом представляться вовне как общее требование.

Думается, что правомерно выделять два аспекта справедливости – внутренний (идеологический) и внешний (предметный). С позиции первого аспекта справедливость связана с такими правовыми идеями, как порядок, мера, равенство и свобода. Во внешнем измерении справедливость связана с условиями и конкретными средствами их реализации в правосознании и правовой деятельности. При этом если во внутреннем аспекте правовые идеи самоочевидны, универсальны и самодостаточны, то во внешнем она существует только как возможность, обусловленная конкретным содержанием действий, отношений, интересов, мотивов субъекта права. Обнаруженное противоречие между различными измерениями призвано объяснить тот факт, что в действительности справедливость как идея или установочно-оценочный акт всегда реализуется как отрицание или ограничение условий правовой коммуникации. Признание субъектами безусловной ценности и нормативности справедливости оказывается более «жесткой рамкой», ограничивающей поведение человека, чем право как совокупность норм, установленных государством. Справедливость оказывается в результате способом бытия человека, возложившего на самого себя обязательство разумной саморегуляции.

К сожалению, приходится признать, что в современном обществе справедливость воспринимается только во внешнем аспекте, а именно как идея социальной справедливости. В условиях аномии и правового вакуума, как пишет В. Г. Федотова, «речь не идет о том, чтобы выдумать нормы для растерявшего их общества, а о том, чтобы в ситуации их разрушения аккумулировать все оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике» [6]. Аккумуляция забытых нередуцированных представлений о справедливости, попытки описания ее в качестве основной нормы могут стать основаниями для возрождения ценностей права и достижения качественных изменений в состоянии современной правовой культуры.

Ссылки на источники

1. Ролз Дж. Справедливость и честность // Логос. – 2006. – № 1. – С. 35–60.
2. Там же.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – С. 361.
4. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 109–135.
5. Там же.
6. Федотова В. Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.

Marina Pantykina,

Doctor of Philosophy, Professor at the chair of History and Philosophy, Vice Director on educational-methodical work, Humanitarian-Pedagogical Institute, Togliatti State University, Togliatti

pantikina@tlttsu.ru

Rectitude and law: Omnes et Singulos

Abstract. There paper attempts to resolve the traditional dispute between supporters of legal positivism and natural law about what axiological foundation of the law is dominant rectitude or law. The author analyzes the classical theories of the rectitude; offers a solution to the dilemma in line with non-classical understanding by phenomenology of the law. As a result, it is concluded that that justice is a way of being human that assigned himself obligation of a reasonable self-regulation. Unconditional recognition of the worth and the normal justice is estimated as more rigid imperative than the law as a collection of regulatory output.

Key words: rectitude, phenomenology of law, legal values, legal life, social regulation, social order.

References

1. Rolz, Dzh. (2006). "Spravedlivost' i chestnost'", *Logos*, № 1, pp. 35–60 (in Russian).
2. Ibid.
3. Gusserl', Je. (2004). *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja filosofija. Vvedenie v fenomenologicheskiju filosofiju*, Vladimir Dal', St. Petersburg, p. 361 (in Russian).
4. Gusserl', Je. (1997). "Stat'i ob obnovlenii", *Voprosy filosofii*, № 4, pp. 109–135 (in Russian).
5. Ibid.
6. Fedotova, V. G. (2005). *Horoshee obshhestvo*, Progress-Tradiciya, Moscow, 544 p. (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	11.01.16	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	13.01.16
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	13.01.16	Опубликована <i>Published</i>	29.03.16

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2016

© Пантыкина М. И., 2016